

Уилки Коллинз

МОЙ ОТВЕТ – НЕТ

ЛИМБУС ПРЕСС

Санкт-Петербург

Москва

Wilkie Collins

I SAY NO

КНИГА ПЕРВАЯ

В ШКОЛЕ

Глава I

ТАЙНЫЙ УЖИН

Мелкий дождь падал так тихо, что его не слышно было в саду, ни один листок не шевелился; сторожевая собака спала, кошки были дома, и вдали и вблизи, под пасмурным небом, не раздавалось ни малейшего звука.

В спальне ночь была темная и тихая.

Мисс Лед знала свое дело содержательницы пансиона слишком хорошо, чтобы позволять по ночам огонь; и молодые воспитанницы мисс Лед, согласно правилам дома, должны были крепко спать. Только иногда тишина слабо нарушалась: тревожное поворачивание одной из девушек в постели обнаруживалось легким шелестом простыни.

Первый звук, говоривший о жизни и движении, издали часы, пробившие полночь.

Тихий голос нетерпеливо послышался возле двери комнаты. Он напомнил одной из девушек о том, что время проходит.

– Эмили! Двенадцать часов.

Ответа не последовало. После некоторого промежутка, голос сказал громче:

– Эмили!

Девушка, постель которой была на другом конце комнаты, вздохнула от тяжелой ночной духоты и ответила решительным тоном:

– Это Сесилия?

– Да.

– Что вам нужно?

– Я проголодалась, Эмили. Новая девушка спит?

Новая девушка ответила быстро и сердито:

– Нет, она не спит.

Пять мудрых дев первого класса мисс Лед напрасно ждали, что приезжая заснет. Смех раздался в комнате, новая девушка, раздосадовавшись и обидевшись, прямо выразила свой протест:

– Вы плохо обращаетесь со мною! Вы не доверяете мне, потому что я приезжая.

– Скажите, что мы вас не понимаем, – ответила Эмили за своих подруг, – и вы будете ближе к истине.

– А как вы можете меня понять, если я поступила сюда только сегодня? Я уже сказала вам, что меня зовут Франсина де Сор. Если вы желаете знать больше, то мне девятнадцать лет и я приехала из Вест-Индии.

– Зачем вы приехали сюда? – спросила Эмили. – Когда же так было, чтобы девушка поступала в школу как раз перед каникулами? Вы говорите, что вам девятнадцать лет? Я годом моложе вас и уже закончила свое воспитание. Вторая взрослая девушка в этой комнате годом моложе меня, и она тоже закончила свое воспитание. Чему в ваши лета осталось вам учиться?

– Всему! – вскричала приезжая из Вест-Индии. – Я бедное, невежественное существо. Ваше воспитание должно было научить вас сочувствовать мне, а не насмехаться надо мной. Я ненавижу всех вас. Вам должно быть стыдно!

Некоторые девушки засмеялись. Одна – та, которая считала удары часов, – взяла сторону Франсины.

– Не обращайтесь внимания на их смех, мисс де Сор. Вы совершенно правы.

– Благодарю вас – кто бы вы ни были, – ответила мисс де Сор отрывисто.

– Меня зовут Сесилия Вайвиль, – продолжала заступница. – Может быть, вы сделали не совсем хорошо, сказав, что ненавидите нас. В то же время мы забыли нашу благовоспитанность и нам остается только просить у вас прощения.

– Я могу сказать вам только одно, Сесилия, – вмешалась Эмили, – вы не перещеголяете меня в великодушии. Зажгите свечу кто-нибудь и взвалите вину на меня, если мисс Лед это узнает. Я намерена пожать руку новой девушке, а как могу я сделать это в темноте? Мисс де Сор, мое имя Браун, и царица в этой спальне я – а не Сесилия. О, какая хорошенькая кофта!

Зажженная свеча обнаружила Франсину, сидящую на постели в таких сокровищах настоящих кружев, что царица забыла все свое царское достоинство от восторга.

– Семь шиллингов и шесть пенсов, – заметила Эмили, смотря с презрением на свою ночную кофту.

Одна за другой воспитанницы поддались привлекательности удивительных кружев. Тоненькие и полненькие, белокурые и черноволосые, они все собрались в своих белых одеждах около новой ученицы и по общему согласию дошли до одного и того же заключения: «Как должен быть богат ее отец!»

Пока девушки любовались Франсиной, часы пробили половина первого.

Сесилия подкралась на цыпочках к двери, выглянула, прислушалась, опять затворила дверь и обратилась к собранию с непреодолимым очарованием своего нежного голоса и убедительной улыбки.

– Никто из вас еще не проголодался? – спросила она. – Учительницы в своих комнатах, с Франсиной мы все устроили. Зачем же оставлять ужин под постелью?

Такие рассуждения допускали только один ответ; царица грациозно махнула рукой и сказала:

– Выньте.

Может ли хорошенькая девушка, лицо которой вдобавок обладает очаровательным выражением, сделаться менее привлекательной, от того, что она одарена хорошим аппетитом и не стыдится сознаться в этом? Со свойственной ей грацией Сесилия нырнула под свою постель и вынула одну корзинку с тортами, другую корзинку с фруктами и сладостями, третью с шипучим лимонадом и чудесным кексом – все было куплено по подписке и спрятано в комнате по добромутворству служанок. На этот раз пир был особенно изобилен. Имея перед собой совершенно различную перспективу, Эмили и Сесилия закончили свою школьную жизнь и теперь вступали в свет.

Контраст в характерах двух девушек выказался даже в такой безделице, как приготовления к ужину.

Кроткая Сесилия, сидя на полу и окруженная такими вкусными вещами, предоставила другим решить – сейчас ли все вынуть из корзинок или подносить их к каждой постели. А пока ее нежные голубые глазки уставились на торты, Эмили решительно перехватила бразды правления.

– Мисс де Сор, позвольте мне взглянуть на вашу руку. А! Я так и думала. У вас из всех нас самая тол-

стая рука. Вы будете вытаскивать пробки. Если вы прольете лимонад, ни одна капля не попадет в ваше горло. Юфи, Анис, вы замечательно ленивые девушки, заставить вас работать – значит оказать вам истинное одолжение. Юфи, приготовьте место для ужина. Снимите гребни, щетки и зеркало. Анис, разорвите старую газету и положите лоскутки вместо тарелок и блюд. Нет! Я сама все выну. Никто не должен дотрагиваться до корзинок кроме меня. Прицилла, у вас самый тонкий слух. Будьте часовым, милая моя, и слушайте у дверей. Сесилия, когда вы перестанете пожирать глазами эти торты, возьмите ножницы – мисс де Сор, позвольте мне извиниться за скаредность мисс Лед – ножи и вилки пересчитываются и запираются каждую ночь. Я говорю, возьмите ножницы, Сесилия, разрежьте этот кекс и не оставляйте себе самый большой кусок. Готовы? Очень хорошо. Теперь берите пример с меня, говорите сколько хотите, только негромко. Остается еще одно, прежде чем мы начнем. Мужчины всегда предлагают тосты в этих случаях; будем подражать мужчинам. Может, кто-нибудь из вас желает сказать речь? Ну, конечно же, по обыкновению эта привилегия падает на меня! Я предлагаю первый тост. Прочь все школы и учителей – особенно того нового, который поступил в это полугодие. О, благодарю, как щиплет!

Газ в лимонаде захватил в эту минуту горло ораторши и остановил поток ее красноречия. В спальне не оказалось слабых желудков. С какой неистощимой энергией молодые воспитанницы мисс Лед ели и пили! Как весело наслаждались они восхитительной возможностью говорить пустяки!

В непонятном плане мироздания не бывает полного человеческого счастья. Когда ужин уже заканчивался, наслаждение пиршеством было прервано тревогой часового у дверей.

– Погасите свечку, – шепнула Присцилла. – Кто-то идет по лестнице.

Глава II

БИОГРАФИЯ В СПАЛЬНЕ

Свечка была немедленно погашена. Девушки прокрались к своим постелям и прислушались. В помощь бдительности часового дверь была оставлена полуотворенной. В узкое отверстие слышался скрип широкой деревянной лестницы старого дома. Через минуту наступила тишина. Однако скрип послышался опять. На этот раз звук был отдаленный и уменьшавшийся. Вдруг он прекратился. Полночная тишина уже не нарушалась.

Что это значило?

Не услышал ли кто-нибудь из многих начальствующих лиц в доме мисс Лед, как девушки разговаривали? Лицо захотело бы застать их на месте нарушения одного из правил в доме. В этом поступке не было бы ничего необыкновенного. Но почему лицо вдруг отказалось от своих намерений и вернулось с лестницы обратно в свою комнату? Какое же более рациональное объяснение можно было придумать в эту минуту? Франсина первая выразила свою мысль.

– Ради бога, зажгите опять свечу! Это привидение.

– Уберите ужин, дурочки, прежде чем привидение донесет на нас мисс Лед, – тут же насмешливо от-

кликнулась Эмили, остановив возникавшую панику. Дверь затворили, свечу зажгли, все следы ужина исчезли. Минут пять воспитанницы еще прислушивались.

– Я не думаю, чтобы на лестнице кто-нибудь был, – подала голос Сесилия. – В старых домах всегда слышится странный шум по ночам, а говорят, что эта лестница была сделана более чем двести лет тому назад.

Девушки переглянулись с чувством облегчения, но ждали мнение царицы. Эмили, по обыкновению, оправдала доверие:

– Если Сесилия права, учительницы спят, и нам нечего их бояться. Если она неправа, мы рано или поздно увидим одну из них в дверях. Не пугайтесь, мисс де Сор. Когда нас застанут ночью за болтовней, в этой школе, нам только сделают выговор. Когда нас застанут со свечой, нас накажут. Затушите свечу.

Франсина верила в привидения так искренно, что ее суеверие нельзя было поколебать. Она вскочила на постели.

– О, не оставляйте меня в темноте, я приму наказание на себя, если нас застанут.

– Вы даете честное слово? – хмыкнула Эмили.

– Да – да!

– Забавно, однако, – обратилась царица к своим подданным, – что такая взрослая девушка, поступив в новую школу, начнет с наказания. Могу я спросить, вы иностранка, мисс де Сор?

– Мой отец испанский дворянин, – ответила Франсина с достоинством.

– А ваша мать?

– Моя мать англичанка.

– И вы всегда жили в Вест-Индии?

– Я всегда жила на острове Сан-Доминго.

Эмили стала считать по пальцам недостатки и достоинства, открывшиеся в характере дочери мистера де Сора.

– Невежественна, суеверна, иностранка и богата. Милая моя – простите за фамильярность, – вы девушка интересная, и мы должны узнать вас получше. Развлеките спальню. Что вы делали раньше? И какое чудо привело вас сюда? Пойдите! Прежде чем вы начнете, я настаиваю на одном условии от имени всех молодых девиц в этой комнате: никаких бесполезных сведений о Вест-Индии.

Франсина обманула ожидания своих слушательниц. Эмили была принуждена помогать ей вопросами. В одном отношении результат оправдал хлопоты. Девушки узнали причину появления новой ученицы накануне закрытия школы на каникулы.

Ее отец, небольшой плантатор, был слишком беден, для того чтобы выписать гувернантку из Франции или Англии. Здоровье матери девушки было слабое, и все ее заботы сосредоточились на сыне, родившемся в последние годы супружеской жизни. Франсина (по ее мнению) была постыдно заброшена. Шесть месяцев тому назад положение ее родителей изменилось к лучшему. Брат отца оставил ему после своей смерти одно из прекраснейших имений на Сан-Доминго и капитал, с единственным условием, чтобы наследник продолжал жить на острове. Вопрос об издержках теперь не значил ничего для этого семейства, и Франсину отослали в Англию как девицу с большими надеждами, очень нуждающуюся в светском воспитании. По совету содержательницы пансиона во время каникул девушка должна брать

частные уроки. Франсину повезут в Брайтон и пригласят отличных учителей на помощь мисс Лед. Имея еще шесть недель, девушка в некоторой степени наверстает потерянное время; а когда школа опять откроется, Франсина избегнет унижения поступить в низший класс.

– Я думаю, что теперь моя очередь узнать кое-что! – сказала наконец Франсина. – Могу я просить вас начать, мисс Эмили? Пока я знаю только то, что ваша фамилия Браун.

Эмили неожиданно подняла руку. Не послышался ли опять таинственный скрип на лестнице? Нет. Звук, уловленный тонким слухом Эмили, раздавался с кровати на противоположной стороне комнаты, занимаемых тремя ленивыми девушками. Юфи, Анис и Присцилла поддались успокоительному влиянию хорошего ужина и теплой ночи. Они крепко спали; и самая толстенная из троих (тихо, как прилично молодой девице) похрапывала.

Безукоризненная репутация спальни была дорога Эмили как царице. Она почувствовала себя оскорбленной.

– Если у Юфи будет когда-нибудь обожатель, – сказала она с негодованием, – я сочту своей обязанностью предупредить этого бедного человека, чтобы он не женился на ней. Я назвала бы ее Вареной Телятиной. Ее волосы бесцветны, глаза бесцветны, и лицо бесцветно. Словом, в Юфимии нет ничего замечательного. Вы, конечно, не любите, когда храпят. Извините, если я повернусь к вам спиной. Я хочу бросить в нее мою туфлю.

Нежный голос Сесилии – подозрительно сонный – вмешался в интересах сострадания.

– Она не могла устоять, бедняжка, и не так громко храпит, чтобы мешать нам.

Впрочем, заразительность отдыха передалась и Франсине. Она раскрыла свой большой рот и зевнула.

– Спокойной ночи! – сердито сказала Эмили.

Сонливость мисс де Сор тотчас прошла.

– Нет, вы ошибаетесь, если думаете, что я сейчас засну. Пожалуйста, начните рассказывать о себе, мисс Эмили, я жду, чтобы вы меня заинтересовали.

Эмили, по-видимому, не чувствовала желания раскрывать новенькой свою жизнь. Она внезапно заинтересовалась погодой.

– Кажется, поднимается ветер?

В этом не могло быть сомнения. Листья в саду начали шелестеть, и дождь стал бить в окна.

Но Франсина, как оказалось, была девушка упрямая.

– Давно вы в этой школе? – спросила она.

– Более трех лет.

– Есть у вас братья и сестры?

– Я единственная дочь.

– Живы ваши родители?

Эмили вдруг приподнялась на постели.

– Подождите! Мне кажется, я опять слышу скрип.

– Скрип на лестнице?

– Да.

– Скорее всего, деревья качаются! – прошептала Сесилия. Действительно, ветер все усиливался. Шум больших деревьев в саду раздавался, как прилив волн на отдаленном берегу. Тяжелый ливень прямо бил в окна.

– Почти буря, – сказала Эмили.

Франсина еще не получила ответа на последний вопрос. Она воспользовалась первым представившимся случаем повторить его.

– Не обращайтесь внимания на погоду, – сказала она. – Расскажите мне о ваших отце и матери. Оба они живы?

Эмили дала ответ только о своей матери.

– Моя мать умерла, прежде чем я могла почувствовать свою потерю.

– А отец?

Эмили, игнорируя любопытство мисс де Сор, заговорила о сестре своего отца.

– Когда я выросла, моя добрая тетушка была для меня второй матерью. В одном отношении моя история составляет противоположность с вашей. Вы сделали неожиданно богаты, а я неожиданно бедна. Состояние моей тетки должно было перейти ко мне, если я ее переживу. Она разорилась от банкротства одного банка. На старости лет она должна жить на сто фунтов в год; а я должна буду сама содержать себя, когда выйду из школы.

– А разве ваш отец не может помочь вам?

– У него собственность поземельная, – голос Эмили заметно ослабел. – Земля укреплена за наследниками мужского пола и перейдет к его ближайшим родственникам.

– Должна ли я понять, что ваш отец умер? – Спросила Франсина.

Эмили уступила наконец.

– Да, – сказала она, – мой отец умер!

– Давно?

– Я очень любила отца, – с печалью отозвалась царица. – Прошло около четырех лет после его смер-

ти, а мое сердце еще болит, когда я думаю о нем. Я не легко поддаюсь огорчениям, мисс де Сор, но его смерть была внезапна – он уже лежал в могиле, когда я узнала об этом... и... он был так добр ко мне! Он был так добр ко мне!

Веселая, живая девушка, предводительствовавшая всеми, жизнь и душа школы, закрыла лицо руками и неожиданно заплакала.

Испуганная и – надо отдать ей справедливость – пристыженная Франсина пыталась извиниться. Великодушная натура Эмили простила жестокую настойчивость новой подруги.

– Нет, нет. Это не ваша вина. Не извиняйтесь.

– Да, но я желаю, чтобы вы знали, как мне вас жаль, – настаивала Франсина, впрочем, без малейшего сочувствия в лице и голосе. – Когда мой дядя умер и оставил нам все свои деньги, папа была очень огорчен. Он надеялся, что только время поможет ему утешиться.

– Время мало помогло мне, Франсина, я боюсь, что в моей натуре есть что-то извращенное; надежда встретиться на том свете кажется мне слабой и отдаленной. Перестанем говорить об этом. Поговорим об этой доброй девушке, которая спит по другую вашу сторону, – показала она на все-таки уснувшую Сесилию. Сказала я вам, что я должна сама содержать себя, когда выйду из школы. Так вот, Сесилия написала домой и нашла для меня место.

В этот короткий промежуток, погода начала опять меняться. Ветер был еще силен, но судя по уменьшившемуся шуму, дождь проходил.

Эмили была так признательна своей приятельнице и школьной подруге, что не заметила равнодушного вида, с каким Франсина устроилась на своих подуш-

ках, чтобы слушать похвалы Сесилии. Самая хорошенькая воспитанница в школе не интересовала эту некрасивую девушку с упрямым подбородком. В конце концов Эмили заметила молчание Франсины и внимательнее посмотрела на нее. Мисс де Сор спала.

«Она могла бы сказать мне, что она устала, – подумала Эмили. – Мне ничего больше не остается, как потушить свечу и последовать ее примеру».

Дверь спальни вдруг отворилась настежь. Высокая женщина в черной блузе стояла на пороге и смотрела на Эмили.

Глава III

ПОКОЙНЫЙ МИСТЕР БРАУН

– Не гасите свечу!

Сказав эти слова, женщина оглянулась и удостоверилась, что другие девушки спят.

Эмили положила гасильник.

– Вы, конечно, намерены донести на нас, – тихо произнесла девушка. – Я во всем виновата, мисс Джетро; обвините меня.

– Я не имею намерения доносить на вас. Я желаю с вами говорить.

Мисс Джетро откинула с висков свои густые черные волосы, уже перемешанные с седыми. Ее большие черные глаза остановились на Эмили с грустным участием.

– Когда ваши молодые приятельницы проснутся завтра утром, – продолжала она, – вы можете сказать им, что новая учительница, которую никто не любит, оставила школу.

На этот раз даже находчивая Эмили пришла в недоумение:

– Вы уходите? А между тем вы здесь только с Пасхи.

– Я не очень крепкого здоровья, – продолжала мисс Джетро. – Могу я присесть на вашу постель?

В других случаях она была замечательна своим холодным спокойствием; но при этой просьбе ее голос задрожал.

Эмили кивнула.

– Извините, мисс Джетро. Если вы не намерены доносить на нас, зачем же вы вошли и поймали меня с огнем?

Мисс Джетро вздохнула:

– Я имела низость подслушивать у дверей, и слышала, как вы говорили о вашем отце. Я желаю слышать подробнее о вашем отце. Вот зачем я здесь.

– Вы знали моего отца! – воскликнула Эмили.

– Думаю, что знала; но в Англии тысячи Джеймсов Браунов – я боюсь сделать ошибку. Я слышала, вы сказали, что он умер около четырех лет тому назад. Можете вы обозначить какие-нибудь подробности? Если вы думаете, что я позволяю себе слишком много, то...

Эмили остановила ее.

– Я помогла бы вам, но я была больна в то время и гостила у друзей в Шотландии. Известие о смерти отца окончательно уложило меня в постель. Прошло несколько недель, прежде чем я была в состоянии отправиться в дорогу – и много, много прошло недель, прежде чем я увидела его могилу. Я могу сказать вам только то, что я знаю от моей тетки. Он умер от болезни сердца.

Мисс Джетро вздрогнула.

– Что в моих словах испугало вас? – спросила Эмили.

– Ничего! Я нервна в бурную погоду – не обращайтесь внимания на меня.

Она продолжала:

– Вы мне скажете день его смерти?

– Тридцатое сентября.

– Вы знали моего отца?

Мисс Джетро отвечала машинально:

– Я знала вашего отца.

Эмили испуганно взглянула на нее.

В молодости учительница должно быть была хороша собой. Ее черты еще сохраняли царственную красоту – может быть, еврейскую. Краска вспыхнула на ее бледных щеках. Глаза оживились. Отвернувшись, она преодолела волнение, овладевшее ею.

– Какая ужасная ночь! – сказала она и, вздохнув, продолжала с твердостью: – Я не удивляюсь, что ваш отец никогда не упоминал вам обо мне. – Она сказала это спокойно; но лицо ее сделалось бледнее прежнего. – Не могу ли я сделать чего-нибудь для вас, – спросила она, – прежде чем уеду? О! Я только говорю о какой-нибудь ничтожной услуге, за которую вы не были бы обязаны оставаться мне благодарны, и которая не принуждала бы вас поддерживать со мной знакомство.

– Вы думали о нем, – прошептала Эмили, – когда спросили, не можете ли оказать услугу мне?

Мисс Джетро задрожала, как будто почувствовала холод.

Эмили протянула руку, но мисс Джетро встала и попятилась.

– Посмотрите на свечку! – воскликнула она.

Свечка вся сгорела. Эмили еще протягивала руку.

– Еще осталось довольно света, – сказала мисс Джетро, – чтобы показать мне дорогу к двери. Спокойной ночи – и прощайте.

Эмили схватила ее за платье и удержала.

– Зачем вы не хотите пожать мою руку? – спросила она.

Свеча погасла и оставила их в темноте.

До сих пор они говорили осторожным тоном, боясь разбудить спящих девушек. Внезапная темнота произвела неизбежное действие. Голоса их понизились теперь до окончательного шепота.

– Друг моего отца и мой друг тоже, – твердила Эмили.

– Прекратите об этом разговор.

– Почему?

– Вы никогда не можете быть моим другом.

– Почему?

– Пустите меня!

Чувство уважения к самой себе не допускало Эмили более настаивать.

– Извините, что я удерживаю вас здесь против вашей воли.

Мисс Джетро тотчас уступила со своей стороны.

– Мне жаль, что я так упрямылась, – ответила она. – Если вы презираете меня, я это заслужила вполне. Вы не должны иметь со мной никаких отношений.

– Я этому не верю!

Мисс Джетро вздохнула с горечью.

– Молода и с горячим сердцем – я когда-то была такая, как вы! – Она преодолела вспышку отчаяния. – Вы хотите узнать – и узнаете! – сказала она. – Кто-то в этом доме или в другом месте, я не знаю, донес на меня содержательнице школы. Несчастливая женщина

в моем положении подозревает всех, а что еще хуже, делает это без причины или извинения. Я слышала, как вы, девушки, разговаривали, когда вам следовало спать. Вы все не любите меня. Я подумала – не донесли на меня кто-нибудь из вас? Конечно, это подозрение нелепо для женщины со здравым умом! Я спустилась с лестницы до половины, устыдилась и вернулась в мою комнату. Если бы я могла заснуть! Ах, этого не случилось. Мои гнусные подозрения прогоняли от меня сон; я опять встала с постели. Вы знаете, что я услышала за этой дверью, и почему мне было интересно услышать это. Ваш отец никогда не говорил мне, что у него есть дочь. Вы были для меня просто «мисс Браун», я до сегодняшней ночи не знала, кто вы. Я говорю вздор. Что вам до этого всего. Мисс Лед сострадательна, она отпускает меня без огласки. Вы можете угадать, что случилось. Нет? Не угадываете даже и теперь? От невинности или доброты вы так медленно все понимаете? Милая моя, я получила доступ в этот уважаемый дом посредством фальшивых аттестатов, и об этом узнали. Теперь вы знаете, почему вы не должны быть другом такой женщины, как я! Еще раз спокойной ночи – и прощайте!

Эмили не захотела так проститься с нею.

– Пожелайте мне спокойной ночи, – сказала она, – но не прощайтесь со мною. Позвольте мне увидеть вас опять.

– Никогда!

Стук тихо затворившейся двери едва был слышен. Мисс Джетро ушла, и Эмили никогда ее больше не видела.

«Дурная? Или хорошая?» – спрашивала себя девушка всю оставшуюся ночь. – Фальшивая, потому что она

подслушивала у дверей. Правдивая, потому что сама рассказала мне о своем поступке. Друг моего отца, а не знала, что у него есть дочь. Утонченная, образованная, настоящая леди, а прибегает к фальшивым аттестатам. Как примирить такие противоречия?»

Рассвет заглядывал в окно – рассвет того достопамятного дня, который для Эмили был началом новой жизни.

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА